

Помимо работы с чертежами, Сунь Цзинь больше всего времени проводил в десертной. Тан Минь и другие ребята частенько донимали его, заставляя пробовать сладости, но, кроме хлеба, Сунь Цзинь ничего, что содержало бы крем, в рот не брал.

— Меня стошнит, — говорил Сунь Цзинь. — Я правда не могу есть кремовые изделия.

— Похоже, моё мастерство кондитера всё ещё оставляет желать лучшего, — задумчиво тянул Тан Минь. — Раз уж наш брат Сунь Цзинь не хочет пробовать.

Слово «брат» было одним из тех, что давались Сунь Цзиню тяжелее всего. Он натянуто улыбнулся:

— Я просто их не люблю.

— Ну и ладно, пойдём лучше поедим. — Тан Минь снял фартук и поправил галстук-бабочку на рубашке. — Разве мы не собирались попробовать тот новый корейский гриль? Управляющий обещал угостить.

— Когда это я такое говорил?! — Хэ Хао, сверявший счета, подскочил на месте. — Тан Минь! Если у тебя нет записи разговора, не смей меня оговаривать!

Тан Минь не спеша достал телефон и, ничуть не смутившись, действительно включил запись.

На самом деле это было голосовое сообщение из мессенджера. Тан Минь переписывался с другом, а на фоне отчётливо и звонко звучал голос Хэ Хао: Как только откроется тот гриль, я вас угощу!

Хэ Хао потерял дар речи. Разрывая накопившиеся за день щеки, он вяло пробормотал:

— Ладно, раз уж идём, налегайте на овощи, а мясо берите поменьше. Свинина сейчас такая дорогая, в этих заведениях небось подсовывают что попало. Не хочу, чтобы вы травмились.

Тан Минь с улыбкой обнял Сунь Цзиня за плечи и помахал Хэ Хао рукой:

— Слушаемся, господин управляющий! Значит, придётся заказывать побольше говядины. Закроешь магазин — догоняй нас.

У Тан Миня была такая привычка: он был высокого роста, а Сунь Цзинь — чуть пониже, и это идеально подходило, чтобы использовать его как опору. Тан Минь то и дело наваливался на плечо Сунь Цзиня, переносил на него часть своего веса, и при этом в шутку называл это тренировкой на силу для Сунь Цзиня.

— Ты просто сделаешь мне кривые плечи, — ворчал Сунь Цзинь.

Летний вечерний ветерок был тёплым, но не душным. По улице непрерывным потоком текли автомобили, а торговый центр напротив сиял яркими огнями — всё вокруг было наполнено суетой и дыханием жизни.

Они дошли до входа в торговый центр, а Хэ Хао всё ещё не догнал их — вероятно, продолжал усердно сверять счета в магазине. Сунь Цзинь отправил ему сообщение, подгоняя.

— Эй, знакомое лицо, — Тан Минь посмотрел вдаль. — Кажется, это тот парень, что недавно устроил тебе сцену в магазине.

Рука Сунь Цзиня дрогнула, телефон чуть не выпал. Он поднял взгляд, но вдали всё расплывалось, а поскольку он был без очков, то совершенно не мог разглядеть, кто из прохожих мог быть связан с Сунь Синланем.

— Тебе показалось, — голос Сунь Цзиня заметно дрогнул. — Не может быть такого совпадения.

— Не знаю, очень похож. Высокий такой, лицо приметное. Честно говоря, он мне хорошо запомнился, — сказал Тан Минь. — Правда, характер, похоже, скверный. Но такие парни в школе всегда нарасхват, девчонки от них без ума.

— Не факт, — Сунь Цзинь отвел взгляд. — С таким характером одного лица недостаточно.

Тан Минь склонил голову и рассмеялся:

— Ого, первый раз слышу от тебя такое. Обычно ты такой мягкий и спокойный, а оказывается, довольно злопамятный?

Сунь Цзинь подумал про себя: какая тут злопамятность, это просто естественная реакция нормального человека на подобное обращение.

— Не смотри туда, это точно не он, — сказал Сунь Цзинь. — Пошли внутрь, людей наверняка полно, надо быстрее занять очередь.

— Угу, — Тан Минь взглянул на телефон. — Хэ Хао пишет, что уже закрылся и переходит дорогу.

Сунь Цзинь не помнил, ответил ли он что-то. Его мысли спутались из-за предположения Тан Миня о возможном присутствии Сунь Синлани. Сегодня была вторая неделя после начала занятий, а через несколько дней — день рождения Сунь Синлани.

Сунь Цзинь вовсе не хотел помнить эту дату, но никак не мог забыть. Ещё в детстве он подсчитал, что их дни рождения разделяют всего два месяца: один родился осенью, другой — в конце лета.

Позже, за те десять лет, что они провели в разлуке, каждый раз с приходом сентября Сунь Цзинь думал: лето подходит к концу, а до того, как оно закончится, будет день рождения брата.

При этом он прекрасно понимал, насколько велика пропасть между ним и Сунь Синланем. С годами те первые робкие попытки увидеть брата постепенно угасли, и в итоге осталось лишь твёрдое убеждение: он точно не хочет меня видеть. И это было правдой — Сунь Синлань ненавидел его, ненавидел до глубины души.

Сунь Цзинь признавал: он болен. В последние десять лет он принимал на себя всю ненависть матери, но не чувствовал чрезмерной тяжести — напротив, это давало ему ощущение, что он кому-то нужен и на него кто-то полагается.

Его психика была искажена: стоило кому-то в нём нуждаться, как он готов был вынести всё на свете. Если бы Сунь Синлань хоть на секунду признал его братом, Сунь Цзинь, возможно, с радостью принял бы всё и простил всё.

Но Сунь Синлань этого не сделал.

Через день Сунь Цзинь снова пришёл в пустынную, уже ближе к вечеру. Тан Минь как раз нарезал фрукты.

— Пришёл, — он бросил взгляд на Сунь Цзиня. — На улице жарко?

— Ага, очень жарко. — Сунь Цзинь уже собирался повязать фартук, как вдруг заметил пластырь на локте Тан Миня.

— Что с рукой? — Сунь Цзинь склонился, чтобы рассмотреть. — Упал?

— Не спрашивай, жуткая история. — Тан Минь посмотрел на свою руку. — Вчера вечером переходил дорогу, машина чуть не сбила, хорошо, что я успел отскочить — упал на тротуар.

Сунь Цзинь широко раскрыл глаза, не веря услышанному:

— Специально?

— Не знаю, может, пьяный за рулём. — Тан Минь покачал головой. — На том перекрёстке никого не было, я свалился на землю, даже номер машины не успел разглядеть, она просто уехала.

— Можно посмотреть записи с камер поблизости, вдруг удастся найти машину, — предложил Сунь Цзинь.

— Забей. Даже если найдём, что толку? Иногда лучше не наживать лишних проблем, главное — сам цел. А если наткнёшься на кого-то неадекватного, и он начнёт пакостить? Сам понимаешь.

Его слова, словно камень, брошенный в воду, заставили сердце Сунь Цзиня биться в бешеном ритме. Он понимал это чувство лучше, чем кто-либо другой. Словно его собственное нежелание связываться с Сунь Синланем: хотя неправ тот, другой, именно Сунь Цзинь всегда вёл себя осторожнее всех.

Потому что с безумцем нельзя договориться. Если он захочет, чтобы ты не спал, ты не увидишь ни единого сна.

Весь следующий день он провёл в десертной, а вечером вернулся домой. Этот старый дом за несколько лет почти не изменился. Вещи матери всё ещё лежали в её комнате. Сунь Цзинь по-прежнему спал на чердаке, но теперь он не казался ему тесным, ведь в доме не осталось никого, кроме него.

Он лежал на кровати, глядя на печальный лунный свет за чердачным окном. Сегодня день рождения Сунь Синлани, его брату исполнилось восемнадцать.

В будущем они будут только отдаляться друг от друга: из родных братьев станут врагами, потом — чужими людьми, превратившись в те части жизни друг друга, о которых больше никогда не вспомнят.

Раньше Сунь Цзинь не хотел принимать такой финал, но теперь казалось, что это лучший исход. Если через пропасть не перепрыгнуть, то и не нужно пытаться — ни к чему мучить друг друга.

К тому же, после всего, что вытворял Сунь Синлань, Сунь Цзинь перестал обманывать себя родственными узами. Они ничего не значат, а иногда становятся лишь ироничным бременем, заставляя одного сжимать зубы и терпеть, а другого — сходить с ума всё сильнее.

Вечером было нежарко, поэтому Сунь Цзинь не стал включать старый кондиционер, ограничившись лишь вентилятором. Свободная футболка слегка колыбалась от потока воздуха.

Устав за день, он уснул почти мгновенно.

Когда его разбудил звук закрывающейся двери, было, должно быть, глубокой ночью.

Вентилятор всё ещё гудел. Сунь Цзинь растерянно открыл глаза в темноте. Видимо, луну закрыли облака, за окном почти ничего не было видно, лишь серые сумерки. Из-за близорукости всё вокруг казалось подёрнутым дымкой.

Сунь Цзинь приподнялся, прислушиваясь, но всё стихло. Наверное, кто-то из соседей вернулся поздно. Звукоизоляция в этом старом доме была никудышной, и даже на чердаке Сунь Цзиня часто будили шумы. Спросонья звуки казались гипертрофированными, словно раздавались прямо у уха — с ним такое бывало.

Сунь Цзинь снова лёг, уткнувшись щекой в подушку, и, под мерный гул вентилятора, затылок которого обдувал прохладный воздух, снова провалился в сон.

Когда сквозь забытьё он услышал скрип половиц, то лишь полусонно подумал, часто ли так же будят соседей, когда он сам возвращается домой за полночь.

Он уже почти заснул, когда раздался резкий звук — это старая дверная ручка скрежетнула, когда её нажали.

Даже если бы Сунь Цзинь не до конца проснулся, он не мог не понять, что это звук из его собственной квартиры.

Не успел он опереться на руки, чтобы встать, как чья-то рука придавила его за затылок, пригвоздив к кровати.

Вентилятор, казалось, стал шуметь в несколько раз сильнее, обдавая лицо Сунь Цзиня ледяным потоком воздуха. Он отчаянно пытался открыть глаза, сердце колотилось так, что, казалось, сейчас проломит грудную клетку, сотрясая всю кровать.

Он услышал звон цепи и металлический скрежет зубьев.

Сунь Цзинь мгновенно понял — это наручники.

Потому что человек, удерживавший его за шею, быстро и уверенно защёлкнул их на его правом запястье — прямо как беспристрастный полицейский, поймавший преступника с поличным.

Сунь Цзинь предпочёл бы оказаться арестованным за преступление, чем столкнуться с тем, что происходит сейчас.

Он почуял запах алкоголя и услышал тяжёлое дыхание за своей спиной.

У дыхания тоже есть свой тембр. Иногда по нему можно узнать, кому оно принадлежит.

Это был Сунь Синлань.

<http://bllate.org/book/22345/2341090>